

ПОЧЕМУ Я СТАЛ ФАНТАСТОМ...

«Почему Вы избрали в своем творчестве жанр научной фантастики?» — с таким вопросом редакция обратилась к писателям-фантастам разных стран.

Полученные ответы публикуются ниже.

АЙЗЕК АЗИМОВ (США)

Я охотно попытаюсь объяснить, почему я избрал научную фантастику как основную область своей литературной работы.

1. Прежде всего нужно сказать, что еще в очень раннем возрасте без всяких на то глубоких причин я с огромным наслаждением поглощал научно-фантастические истории. «Приверженцем» научной фантастики я стал, когда мне было всего девять лет. С возрастом я неизбежно должен был перейти к сочинительству, и точно: свой первый гонорар за фантастический рассказ я получил восемнадцатилетним юношей.

2. К тому времени, как мне исполнилось 18, я успел также понять, что научная фантастика свободна от всяческих табу. Поскольку фантастика повествует о будущем, о других мирах и, быть может, о других системах мышления, в ней вполне возможны такие движения мысли, которые нам, живущим в этом мире и в эту эпоху, чужды (и подчас даже не столько чужды, сколько непривычны). А это значит, что научная фантастика свободнее, чем любая другая область литературы.

3. Не знаю, почему так получилось, но все, с кем я познакомился благодаря своей работе в области фантастики, были удивительно милыми, дружелюбными людьми; это относится не только к читателям, но и к моим коллегам-фантастам и даже к издателям. Чем это объясняется? Видимо, любить научную фантастику — это значит так или иначе заботиться о будущем человечества; в какой-то степени это значит даже любить всех людей и желать им счастья в те далекие времена, когда сами мы уже давно завершим свой путь. Я не знал этого, когда начинал писать, но сорок лет работы в научной фантастике открыли мне на это глаза, и я счастлив, что без длительных размышлений сделал именно такой выбор четыре десятилетия назад.

ПОЛ АНДЕРСОН (США)

Боюсь, что я не смогу назвать конкретных причин, побудивших меня стать писателем-фантастом; не помню, чтобы я когда-нибудь принимал решение им стать. Я защитил диплом по физике и намеревался посвятить себя науке. Я всегда с удовольствием читал научную фантастику и для развлечения сочинял фантастические рассказы, но был очень удивлен, когда их напечатали. Лишь со временем мне открылось, что литература — мое истинное призвание.

ФРЕДЕРИК ПОЛ (США)

Я увлекся научной фантастикой, и начал сам ее писать в таком юном возрасте, что сейчас я, право, не помню, чем это было вызвано. Но верность научной фантастике я сохранил на всю жизнь, и, думаю, причина здесь в ее уникальной способности давать людям совершенно четкое представление о будущих последствиях того, что все мы делаем сегодня.

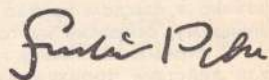
Большинство людей, особенно те, кто живет в добившихся относительного процветания странах, испытывает перед будущим сильный страх. Они видят в нем какую-то угрозу себе, несчастье, которое они не в силах предотвратить и о котором поэтому не хотят думать. Вот почему у автоматики и счетно-решающих устройств так много противников; люди не знают, к чему все это приведет, но боятся, что последствия для них будут безрадостными.

Однако в научно-фантастических произведениях можно исследовать многочисленные возможные варианты будущего. Фантасты понимают, что автоматизация, например, может лишить часть людей работы, но зато эти люди получат какое-нибудь более благодарное занятие. Опасность атомной войны велика и грозна, но фантасты видят и другое: если удастся этой опасности избежать, человечество может впервые в истории обрести действительно прочный мир, направить все средства, поглощаемые гонкой вооружений, на другие цели, и тогда исчезнут страх и недовольство, которые сейчас владеют нами.

Писатели-фантасты и их читатели знают то, что предстоит узнать всему миру: будущее — это не лавина, которая погребет нас; мы можем устроить будущее согласно нашим потребностям. Вплоть до последнего времени люди боролись с окружающим их миром; теперь эта борьба угасла, и наши единственные враги — это мы сами; так что если 2000 год окажется плохим годом, винить нам будет некого, кроме самих себя.

Каждый писатель-фантаст выражает эти идеи своими средствами. Боюсь, мои рассказы кажутся сардоническими, подчас мрачными. Но мне кажется, что я лучше выполняю свою задачу, когда стремлюсь не предсказывать, каким было бы будущее, если бы мы вели себя разумно и достойно, а предупредить, что случится, если мы не будем себя так вести. Из всех заглавий написанных мною книг наиболее точным я считаю «Обвинение против завтрашнего дня».

В действительности я настроен отнюдь не мрачно; я убежден, что человек способен постигать уроки и в конечном счете выучится вести себя правильно. Я не надеюсь застать приход Утопии, но верю, что еще при моей жизни настанет время, когда сами тревоги наши изменятся, когда, по выражению Герберта Уэллса, нам «не нужно будет больше страдать, как страдают животные, и мы сможем изведать страдания, достойные человека».

РЭЙ БРЭДБЕРИ * (США)

Корреспондент. Научная фантастика прошла большой путь от «Войны миров» Герберта Уэллса и эпохи чудищ Франкенштейна** до сложной и весьма плодотворной формулы, какой она пользуется сегодня. Каковы различия между книгами Уэллса и, скажем, Вашими произведениями?

Бредбери. Прежде чем ответить на этот вопрос, мне придется, видимо, указать на то, что он неверно поставлен. Никакой плодотворной формулы, по которой пишется научная фантастика, да и вообще всякая литература, не существует. Любой писатель, сочиняющий по формуле, отворачивается от самого себя и не создаст ничего, как бы он ни был талантлив и справедлив в своих суждениях о действительности. Настоящий писатель пишет потому, что испытывает потребность, необходимость, жажду писать, потому что литература пробуждает в нем высшую радость, страсть, наслаждение, восторг — назовите это, как хотите. Он живет, во всяком случае должен жить, своей страстью, а страсть несовместима с формулами. Человеку, который захватывает с собой в постель руководство по половой жизни, лучше поскорее подняться, ибо у него получится лишь уродливое извращение. Писать — это все равно что жить. А формулы грозят извратить любой естественный процесс. Лучшую научную фантастику создают в конечном счете те, кто чем-то недоволен в нашем обществе и выражает свое возмущение немедленно и ясно.

* В ответ на вопрос нашей анкеты писатель Рэй Бредбери прислал свое интервью американскому журналу «Шоу», которое мы и публикуем с некоторыми сокращениями.

** Имеются в виду герои фильмов по мотивам одноименного романа Мэри Шелли

Вот хороший пример — мой рассказ «Пешеход». Когда я отправлялся по ночам на прогулку, меня часто задерживали за то, что я шел пешком. Меня это выводило из себя, и я написал рассказ о будущем мире, где все, кто осмелится пройтись ночью по городу, объявляются преступниками.

Что касается Уэллса, то я до сих пор отношусь к нему, как к старшему родственнику. Есть, конечно, и различия, но в смысле моральном мы все еще храним память о том винограднике, который сообща обрабатывали под заботливым присмотром нашего деда Жюль Верна. Мне придется перечитать Уэллса, чтобы указать наиболее значительные несоответствия между его книгами и моими. К сожалению, я не речитывал его уже лет двадцать. Зато Жюль Верна я в последние четыре года читал много и понял, что в жилах моих течет кровь точно той же группы, как и его кровь.

Корреспондент. Читаете ли Вы себя и других современных фантастов моралистами?

Брэдли. О себе могу сказать, что я безусловно и прежде всего моралист, поскольку с каждой новой созданной нами машиной вновь и вновь возникают моральные проблемы. По мере того как новое изобретение заполняет мир, требуются новые законы, контролирующие его приложение. К самим машинам понятие морали не относится, но иногда способ, каким они созданы, и сила, в них заключающаяся, вызывают у людей поглупение или умопомешательство и пробуждают зло. Среди самых либеральных людей нашего времени есть такие, что становятся демонически безжалостными, едва сядут за руль автомобиля. Среди величайших консерваторов — такие, что стоят им нажать на стартер, и они делаются безудержными разрушителями и в неистовстве своем несут смерть. Как-то в Лос-Анжелесе, в Институте искусств, я попросил конструкторов придумать автомобиль, который не побуждал бы людей демонстрировать свою удалость всякий раз, как они оказываются на месте для водителя. Как заставить человека не использовать маниакальную энергию, заключенную в спортивной машине? Вот где точка пересечения морали и конструкции, металла и человеческого умения, вот где все это сходится, сталкивается и часто ведет к разрушению. Не исключено, что нам следует понизить мощность глушителя или увеличить вибрацию — пусть людям кажется, что они делают восемьдесят миль в час, хотя скорость не будет превышать сорока. Проблема остается нерешенной. Мы должны решить ее. Архитектура точно так же имеет отношение не только к строительству, но и к морали. Дома будущего должны стать такими, чтобы люди, пользуясь ими, чувствовали себя людьми, а не затравленными животными. Вот где материал для хорошей фантастики...

Что касается других писателей-фантастов, мне кажется, что моральные проблемы для них тоже неизбежны; эти проблемы возникают, едва у изобретателя мелькнет первая мысль о будущей машине. Задолго до того, как паровоз пересек прерию и добрался до западного побережья, любой писатель, дай он себе труд подумать об этом хотя бы час, мог бы предугадать все последствия такого события для человека. Из десяти современных фантастов в девяти вы различите моралиста.

Корреспондент. Но почему для выражения этих проблем нужна именно фантастика?

Брэдли. Потому что фантастика дает хорошую возможность, пользуясь, подобно стенографии, символическими обозначениями, писать непосредственно о наших больших проблемах. Лондонские туманы, многополосные шоссе, автомобили, атомные бомбы — словом, очень многое, что отравляет людям жизнь, коренится в избытке машин и неумении широко мыслить при их использовании. Научная фантастика и учит мыслить, а значит, принимать решения, выявлять альтернативы и закладывать основы будущего прогресса.

Корреспондент. Кто Ваш любимый писатель-фантаст и почему?

Брэдли. Жюль Верн, ибо он был одним из первых и до сих пор остался одним из лучших. Этот писатель обладал воображением, моральным чувством и отличным юмором; каждая его новая страница вдохновляет. Читая его, гордишься, что ты — человек. Он испытывает человечество тестами, он предлагает ему взмывать в воздух, ухватившись за шнурки собственных ботинок. Он уважает старомодную добродетель — умение трудиться. Ценит пылкий ум, зоркий глаз и ловкую руку. Вознаграждает за хорошо сделанную работу. В общем, он воспитателен, и его романы не утратят ценности, пока из мальчишек нужно будет воспитывать доброжелательных, славных, полных энтузиазма мужчин. В наш век, который пустил на ветер унаследованное богатство идеалов, Жюль Верн, человек другого столетия, зовет преследовать более достойные цели и предупреждает людей, что нужно думать не столько о своих отношениях с богом, сколько об отношениях с другими людьми. И было бы очень хорошо, если бы сегодня отыскалось побольше писателей, похожих на него.

Корреспондент. Вас привлекает в фантастике возможность создавать до известной степени свой мир, руководствуясь своими идеалами и населяя его созданиями Вашего воображения?

Брэдли. В какой-то мере да. И все же, взвесив все обстоятельства, можно с уверенностью сказать, что я дитя своего времени. Конечно, в се мы дети своего времени. Но я особенно чувствую, что это я копался в моторах, паккая лицо машинным маслом, это я бродил по кладбищам потерпевших аварию автомобилей, это я на-

правлял железную руку, чтобы зачерпнуть горсть солнечного пламени в чашу и доставить его с Разведчиками Солнца на Землю, это я дышал и пропитывался дымным, прекрасным воздухом нашей цивилизации. Тело мое появилось на свет в Вокегене, но за долгие годы химия больших городов изменила его состав и преобразила мой дух. Наука совершила насилие над нашей землей, но она засеяла ее с любовью. И все мы — естественные продукты этого посева и этого жестокого насилия. Наша эпоха создана для научной фантастики. Я считал бы, что лишился разума и потерпел творческое банкротство, если бы перестал замечать ту электрифицированную дорогу, по которой несет нас и всю нашу путаницу к будущему. Мы живем в том мире, макет которого я разглядывал в 1933 году через стекло на Чикагской ярмарке и шесть лет спустя на Нью-Йоркской. И я могу сказать, что научная фантастика влечет меня не сама по себе, а скорее как возможность обнажить в фантастической форме пружины, которые, сжимаясь и разжимаясь, приводят в действие механизм нашего существования. В таком понимании научная фантастика естественна, как выдох после вдоха, затянувшегося на десятилетия.

Корреспондент. Вы собираетесь и в дальнейшем писать фантастику или Вас привлекают другие области литературы и другие темы?

Брэдбери. Я безусловно буду и в дальнейшем писать фантастику, ибо глубоко верю, что мы переживаем величайший период человеческой истории и что для выражения запросов нашего века фантастика — лучшая из существующих литературных форм.

Наш потрясающий выход в космос, к Луне, Марсу и за его пределы делают нынешний век самым великим в истории.

Почему? Да потому, что сопоставить это событие можно лишь с теми неизвестными нам эпохами в прединформационной истории, когда прообраз человеческий вышел на сушу, обзавелся спинным мозгом, выпрямился, покорил деревья, ушел в пещеры и наконец назвал себя Человеком. Это было для человека великое время. А теперь он отращивает огненные крылья, чтобы жить в воздухе за пределами Земли, в неизведанной атмосфере далеких миров, и началась поразительная новая эра, которая отбросит и изменит, преобразует и обновит все формы мышления, все способы созидания, которые существуют в мире вот на этот час этого года. Чтобы не погибнуть безвозвратно, литература должна идти в ногу с веком. А сейчас век Машин, которые являют-ся Идеями, облеченными в металл и усиленными электричеством. Накопленные людьми философские представления отказываются им подчиняться, но, укрощенные машинами, они вновь могут стать друзьями. Об этом нужно писать. Нужно писать о человеке, слившемся с придуманными им самим приспособлениями, потрясенном или раздавленном ими.

В то же время я надеюсь при случае написать новые книги об Ирландии, где я жил почти год, и об Иллинойсе, штате, в котором прошло мое детство. Я стану рабом того, что сумеет захватить меня. Пусть существо мое говорит все, что захочет. У меня достанет ума хранить молчание, слушать и записывать услышанное.

Корреспондент. И последний вопрос. Если бы Вам нужно было как-то представиться тем читателям, которых еще нет на свете, кем бы Вы себя назвали: научным фантастом, фантастом или кем-нибудь еще?

Брэдбери. Давайте вообразим, что я совершаю на машине времени путешествие в минувшие века. В Багдаде я пошел бы гулять по рыночной площади и заглянул бы на ту улочку, где сидят старики, рассказывающие сказки. Вот там, среди заслушавшихся мальчишек и старых рассказчиков, я и хотел бы занять свое место, чтобы тоже рассказывать, когда придет моя очередь. Потому что это старая традиция, замечательная, добрая старая традиция. И если лет через сто на мою могилу придет мальчишка и карандашом напишет на плите: «Здесь лежит человек, который рассказывал сказки», я буду счастлив. О другом имени я не прошу.

Ray Bradbury

ЙОРДАН ВЫЛЧЕВ (БОЛГАРИЯ)

Современная цивилизация направляет свои усилия главным образом на совершенствование техники. Научно-фантастический жанр возник в литературе для того, чтобы помочь человечеству представить те головокружительные высоты, которых оно достигнет в области техники. Рожденная в спокойную, созерцательную эпоху, научно-фантастическая литература несла в себе черты гордости и высокого чувства достоинства человека. Ныне, когда техника достигла невиданных высот, научно-фантастический жанр уже утратил свои основные черты — гордость и чувство достоинства. Человечество обеспокоено бурным стихийным развитием техники. Техника овладевает че-